

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №22 2023 ГАЗЕТА

Странности любви / Современная проза

ЖДАНОВ Александр Борисович

Родился в 1956 году в Баку. Окончил филологический факультет МГУ. Работал преподавателем русского языка и литературы. В 1989 году переехал в Калининградскую область. Здесь прошёл все этапы газетной работы: от корреспондента до главного редактора районной газеты. Преподавал в художественной школе — историю искусства, живопись, композицию.

Автор учебных пособий по истории изобразительного искусства, а также трёх сборников стихов, пяти книг прозы, исторического романа «И взошла звезда По-лынь», альбома живописи и графики.

Призёр и лауреат ряда Литературных конкурсов, в т.ч. 1-е место в Волошинском фестивале 2023 года.

Поэт, прозаик, художник, искусствовед. Член Союза российских писателей и Творческого союза художников России.

ЮРОВА Надежда Михайловна

Родилась в 1959 году. С 1980 года живёт и работает в с. Тарногский Городок Вологодской области. В 1988 году успешно закончила библиотечный факультет Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской. С 1980 по 1993 год — сотрудник Тарногской центральной библиотеки, с 1994 по 2017 год — корреспондент районной газеты «Кокшеньга». В течение девяти лет возглавляла литературное объединение «Родники». Член союза журналистов.

Её работы публиковались в районных газетах, в областных «Вологодский комсомолец» и «Красный север», журнале «Лад Вологодский», антологии «Чудь», альманах «Тарногские просторы», «Красное становье». В Санкт-Петербурге вышли в свет два персональных сборника «Ниточка с иголочкой» (2019) и «У каждого дня есть в сердце родня...» (2021). В Москве в издательстве «Белые альвы» в 2022 году вышла книга рассказов «Странности любви. Женские истории-исповеди». На вологодском конкурсе «Лучшая книга 2022 года» завоевала второе место.

Встреча в национальной библиотеке Карелии

28 сентября в Национальной библиотеке Карелии состоялась творческая встреча с ответственным редактором «Роман-газеты» Еленой Васильевной Русаковой.

«Роман-газета» — самый популярный и массовый журнал художественной литературы в России, созданный при активной поддержке Максима Горького в 1927 году. С первых дней периодическое издание рассчитано на широкий круг читателей, как для детей, так и для взрослых.

На встрече был пред-

ставлен специальный вы-
пуск журнала, посвященный писателям Республики Карелия «Бабочки в оконной раме». На его страницах читатели смогут ознакомиться с про-

изведениями как начинающих, так и именитых авторов Карелии: Анатолия Суржко, Веры Линьковой, Виктора Тумановского, Владимира Софи-

енко, Дмитрия Скирюка, Елены Бермус, Ирины Львовой, Олега Кожина, Олега Мошникова, Сергея Пупышева, Раисы Мустонен, Владимира Рудака, Григория Салтупа, Светланы Епифановой, Владимира Тренина, Ксении Хотинной.

В завершение мероприятия Елена Васильевна рассказала о концепции развития «Роман-газеты», сотрудничестве с молодыми литераторами и поделилась дальнейшими творческими планами и задумками одного из старейших журналов России.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный редактор
Елена Русакова

В оформлении обложки
использованы картины
Юрия Кугача

Права на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2023
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**
в объединенном
каталоге
«Пресса России»
38915 на полугодие;
в электронном каталоге
«Почта России»
П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2023 №22 /1939/ Основана в 1927 г.

Странности любви

Современная проза

Александр Жданов

КУЛОН ИЗ СУХУМА

Маленькая повесть

Во всём городе никто не готовил кофе вкуснее, чем бабушка Сирануш. И все городские гурманы знали узкий и длинный переулок, в котором расположилась уютная кофейня Григория. Он ещё в прежние времена был заведующим кафетерием, а потом, когда провозгласили свободу предпринимательства, одним из первых преобразовал учреждение общепита в кооператив. И бабушка Сирануш работала у него очень давно.

Переулок был настолько длинным и узким, что напоминал трубу, и по этой трубе стелился и вытекал кофейный аромат, завлекая в кофейню посетителей.

— Григор, — спросил как-то у хозяина уж очень любопытный гость, — зачем ты ютишься в тупике? Зачем не переносишь кафе ближе к центру? Отбоя от посетителей не будет.

Григорий раскурил трубку, коротко ответил:

— Не хочу.

Потом помолчал, попыхивая трубкой, затянулся и, выпуская дым и одновременно наставив на собеседника мундштук трубки, продолжил:

— Сам подумай: в центре будет много народу, так? Так. Значит, надо будет делать всё быстро-быстро, чтобы успеть. Будет тогда у Сирануш хороший кофе? Нет! А что будет? Бурда! Люди будут спешить, толкаться. Кому нужна такая кофейня? Мне не нужна. Я хочу, чтобы было тихо, чтобы люди играли в нарды, беседовали. Разве в центре, где шумно и много машин, может получиться хорошая беседа?

Наверное, плохо собеседник знал Григория, если продолжал настаивать, приводить доводы. Григорий молчал, изредка выпускал трубочный дым, просматривал счета, квитанции. Потом, взглянув на собеседника так, как смотрят на ребёнка, который никак не может чего-то понять, Григорий выложил свой последний аргумент:

— А Сирануш? Как она со своими ногами опухшими будет добираться до центра? А здесь она живёт через дорогу. Без Сирануш зачем мне кофейня? Думай, да, что говоришь.

Григорий замолчал и так выразительно посмотрел на собеседника, что не только он, но и никто больше не приставал к Григорию с расспросами и нелепыми предложениями.

Зато женщины одолевали саму Сирануш, просили поделиться секретом своего кофе. Сирануш махала рукой, смущённо отворачивалась, улыбалась:

— Какой секрет, э?.. Просто всё.

Она действительно ничего не скрывала: берёт медные, обязательно медные турки и обязательно маленькие — на одну чашку, ставит их не на огонь, а в ящик с песком; сам же ящик размещает на раскаленных углях... Но как ни пытались женщины повторить всё за Сирануш, ничего у них не получалось. Кто-то оставил затею, кто-то продолжал экспериментировать, пока одна из них не обронила:

— Дело в руке! У Сирануш рука такая.

Этот аргумент подействовал — и женщины успокоились.

Аромат кофе бабушки Сирануш ещё собирал мужчин в кофейне, но разговоры их становились всё тревожнее: война уже подступала. И вдруг явилась с короткой фразой, сказанной малознакомым юношей, вбежавшим в кофейню Григория:

— Баграта убили!

Баграта знали многие, он ушёл одним из первых. Говорили, что сражается он в армянском отряде, что армяне Сухума организовали свой отряд и сражаются с грузинами на стороне абхазов. После этого ушли сын Григория и Акоп, зять бабушки Сирануш.

А дочь Акопа Ирма окончила в том же году школу, и Сирануш подарила внучке золотой кулон в форме кизила на золотой цепочке. Не в магазине купленный, а доставшийся ей в подарок от свекрови. А той достался от её свекрови. Так и переходил он в роду от свекрови к старшей невестке. Теперь же Сирануш дарила его внучке. Ирма сначала даже испугалась:

— Бабушка, нельзя же мне! Невестке положено дарить.

Сирануш горько усмехнулась:

— А разве есть у меня невестка? Не дал Господь сына, вот и невестки нет. И даже внука нет, чьей же не могла бы подарить. Так что бери, детка. Значит, так надо.

Вечером же на домашнем совете решали, где девушке учиться дальше.

— Я скажу, только вы плохо не подумайте, — начала Седа, тётка Ирмы, — уезжать отсюда нашей девочке надо.

— Вай, Седа, что говоришь? Как уезжать? Куда уезжать?

— Надо уезжать. Что её здесь ждёт? Война надолго. Работы скоро не будет ни у кого. Мне муж сказал.

— А куда, куда она поедет? Мы никого не знаем, — чуть не причитала мать.

— Сиди спокойно, — вдруг сказала Сирануш и, опираясь на стол, тяжело поднялась. Шаркая, вышла в свою комнату, а вернулась с листком бумаги в руках.

— Вот, — положила она листок на стол и обеими руками разгладила его. — Адрес.

— Какой адрес? О чём ты говоришь?

— Учительница из России приезжала. Помните? Говорила, что в педучилище работает.

И все вспомнили. Несколько лет назад, когда не только войны не было, но ещё собирались за одним столом абхазы, армяне, грузины, привела Сирануш в дом русскую женщину. Прямо из кафетерия привела. Женщина зашла выпить кофе, села за столик. И тут же к ней подлетел Котэ, известный бабник. Уж как он увивался! Что только не говорил! Сирануш видела, что женщине это неприятно, что она порывается уйти, да Котэ не отпускает — чуть не хватается за руки. А тут ещё Рудик подсел — не меньший бездельник и бабник. Женщина чуть не плакала. И тогда Сирануш громко, чтобы все в кафе слышали, сказала:

— Эй, бездельники! Постыдись своего отца, Котэ, и ты, Рудик, память отца не оскверняй. Что к человеку пристали?! Она со мной, это моя гостья! Идите себе.

Парни вскочили, смущаясь, двинулись к выходу:

— Извините, уважаемая.

И исчезли так же быстро, как появились. А Сирануш подошла к гостье:

— Напрасно ты, дочка, одна ходишь. У этих обворанцев ведь как? Если женщина одна, без мужчины, значит, приставать можно. Не ходят у нас женщины, а особенно девушки, по кафе одни.

Гостья недоумевала. Ведь ещё три дня назад случайно оказалась она за большим столом с незнакомыми людьми, и там всё было хорошо, а сама она внезапно стала за столом уважаемым человеком. Сначала ей как гостье предложили сказать тост. Хитро улыбались, когда предложили — проверить, наверное, хотели, как выкрутится женщина. А она встала, подняла бокал и прочитала:

Сладость нальёшь —

Радость найдёшь.

Пей на здоровье!¹

Тост в стихах! Это же высшее мастерство! А мужчины зашептали: «Она знает стихи Николоза». Попросили прочитать ещё. Она прочитала:

Пусть будет зима холодна,

Пусть галок морозит она,

Коль бродит вино в голове —

Суровость зимы не страшна!²

И опять удивились за столом, ведь это был уже не Бараташвили, а Чавчавадзе. Александр. Гостью наперебой стали просить читать стихи. Она читала ещё и грузина Чиковани, и армянина Чаренца, и абхаза

¹ Н. Бараташвили. «Надпись на азарпеше князя Баратаева» (пер. Б. Пастернака).

² А. Чавчавадзе. «Мухамбази» (пер. И. Тхоржевского).

Гулиа. Уважаемым человеком стала тогда женщина из уральского города, почему же сейчас так?

— А скажи, дорогая, — поинтересовалась Сирануш, — как ты оказалась за тем столом?

— Пришла вместе со своим доктором и его женой.

— Вот видишь, детка, не одна ты была. Не самозванкой села. Да и люди там, наверное, собрались приличные. Не то что наши сорванцы. Хотя они неплохие ребята. Но у нас ведь как? Пусть рядом хромой, горбатый, но мужчина — пальцем женщину не тронут, а одна... Одной, джаникыс¹, лучше не ходить.

В тот вечер Сирануш не отпустила гостью в санаторий, оставила ночевать у себя. Они долго сидели на кухне, и Ольга рассказала, что преподаёт она в педучилище и что, если Ирма захочет, пусть приезжает к ним поступать. О ней и вспомнила сейчас Сирануш.

— Вот туда пускай и едет, — заявила она.

— Там же холодно. Как наша девочка будет там? — ещё пыталась робко сопротивляться мать Ирмы. — Кто её там защитит?

— А здесь кто? Братьев нет, отец воюет. Пусть едет, — поставила точку в споре Сирануш.

— Ирма, детка моя, напиши учительнице письмо, — передала она внучке листок с адресом. Сказала так, что всем стало ясно: домашний совет закрыт.

Ольге Сергеевне Ирма писать не решилась, а написала в училище, тогда ещё не назвавшее себя колледжем. И вскоре пришёл в Сухум ответ: Ирма Акоповна Мхитарян может приезжать и сдавать вступительные экзамены; место в общежитии предоставляется.

Перед самым отъездом Ирма решила оставить кулон — подарок бабушки — дома: мало ли что случится, но Сирануш настояла:

— Возьми, внучка, возьми. И всегда носи на себе. Весь наш род тебя оберегать будет.

2

Лето в тот год и на Урале выдалось жарким, и Ирма, выйдя из поезда, даже удивилась: и что пугали? Жарко, как у нас в Абхазии. Документы в училище приняли у неё быстро, место в общежитии предоставили. Что было делать? И Ирма стала изучать все висевшие на стене объявления и списки. Дошла до списка членов приёмной комиссии и не нашла в нём фамилии Ольги Сергеевны. Но не расстроилась, а даже обрадовалась немного. Себе Ирма старалась не признаваться, но побаивалась она встречи с Ольгой Сергеевной: узнает ли она Ирму, а если и узнает, как встретит? Ведь одно дело — пригласить в гости за дружеской беседой, и совсем другое — встретиться в

реальности. А когда нет человека, то и вопросов нет. И снова подумала Ирма, что очень жарко на улице. Совсем как дома.

Жара и впрямь стояла невыносимая. Уже несколько дней. Ольге Сергеевне казалось, что воздух застыл. Хотя нет, слово «застыл» применительно к жаре не подходит, подумала она. Лучше сказать, что раскалённый воздух расплавился и стекает теперь осязаемой прозрачной массой. Сквозь эту массу приходится идти людям — и ни дуновения. Да и не спас бы ветер. От него, если он дул с востока, было даже хуже. На востоке горели леса, и ветер приносил запах гари. Едкий воздух забирался в ноздри, лёгкие, в горле першило. Сегодня, правда, дул слабый северный ветерок, но в квартире по-прежнему было душно, открытые настежь окна не спасали. Скинуть бы с себя всю одежду и шлёпать по комнатам голышом! Да вот беда — квартира на первом этаже. И не любила Ольга Сергеевна оголяться, даже в уединении. Наконец она решительно пошла в ванную, взяла старую, истончившуюся уже простыню, смочила её и мокрой прикрепила на раскрытое окно. Так, она помнила, делали женщины на юге. Такая простыня быстро высыхала, и её приходилось сбрызгивать водой из пульверизатора, но зато снова, пусть ненадолго, устанавливалась приятная прохлада.

На письменном столе лежали фотографии — выпускники Ольги Сергеевны разных лет. Где они сейчас? Узнала бы их, если бы встретила? Вряд ли... Она знала наизусть огромное количество стихов, помнила большие прозаические отрывки, читала их хорошо, даже вела кружок художественного чтения. Но лица... Лица Ольга Сергеевна запоминала плохо. Пока ежедневно общалась с коллегами и студентами, конечно, не забывала, но даже небольшая разлука словно вычёркивала из памяти зрительные образы. Вот и могла пройти мимо человека, не узнав его, не ответив на его приветствие. И кто-то считал Ольгу Сергеевну заносчивой, высокомерной. А она просто не помнила...

Жарко. Простыня на окне снова высохла, и вновь пришлось смачивать её, но всё равно Ольге Сергеевне было хорошо. Смогла она в этом году отвертеться от работы в приёмной комиссии. Ох, как не любила она эти экзамены, защиты, выпуски! Особенно приёмные экзамены. Не было ведь года, чтобы кто-то не замолвил словечко за кого-то из абитуриентов. Как же тягостно было Ольге Сергеевне от этого! Ей не хотелось ссориться с коллегами, но она всё же отказывала. Повторяла слова своего дяди, профессора университета: «Умные поступят сами, а дураки нам не нужны». Коллеги злились на неуступчивость Ольги Сергеевны, а однажды пожилая уже преподавательница прямо сказала:

— Что вы, в самом деле, Ольга Сергеевна, такая принципиальная?! Не принципиальность это, милочка, а упрямство какое-то. Вы и впрямь думаете,

¹ Душенька моя (арм.).

что они всё делают самостоятельно? Везде и всегда подправляют педагоги. В средней школе у педагогов, когда они проверяют сочинения экзаменационные, по несколько ручек разного оттенка: где запятую поставят, где букву исправят. Это же система!

Ольга Сергеевна потупилась, сказала почти шёпотом:

— Может, и система. Но я не могу так поступать. Уж извините. И — знаете? — в одной хорошей книге сказано: «На преступление не идите никогда, против кого бы оно ни было направлено».

Сказала и резко взглянула на коллегу. Та заметно смутилась.

Словом, досадовали коллеги на Ольгу Сергеевну, но и уважали принципиального педагога. Да и где бы нашли они еще одного такого феноменально грамотного человека, наделённого к тому же невероятной зоркостью — ни одна самая маленькая описка не могла проскочить мимо. А сама Ольга Сергеевна каждый раз едва не болела в эти летние экзаменационные дни. И вот повезло — она свободна. Может хоть на Каму отправиться, хоть лечь дома под вентилятором и читать. Как давно она не читала просто так, для себя. Не при подготовке к уроку, не для того, чтобы к сочинению студенток подготовить, а для души.

Ольга Сергеевна по-своему выбирала книги для чтения, точнее, для перечитывания. Она становилась перед книжными полками и тихонько проводила кончиками пальцев по корешкам книг. В какой-то момент она чувствовала, что между книгой на полке и её внутренним состоянием устанавливается еле ощутимая энергетическая связь. Ту книгу, на которой эта связь улавливалась, Ольга Сергеевна и снимала с полки. Сейчас, пробегая кончиками пальцев по корешкам, она остановилась на шеститомнике в красивом белом переплёте с коричневым прямоугольником на корешке. Бунин. Она уже достала было четвертый том — поздние рассказы, но передумала и взяла стоявшую рядом книгу в коленкоромом переплёте болотистого цвета.

Книга вышла недавно. Сперва запретная прежде повесть появилась в толстом журнале. Тогда журналы разом стали публиковать доселе недоступное. Выписывать все журналы одной было накладно. Тогда преподаватели в училище договорились, что каждый из них выпишет по какому-то одному журналу, и пойдут потом журналы по кругу, чтобы каждый мог прочитать всё. С нетерпением ждала Ольга Сергеевна, когда повесть дойдёт до неё. А тут зашла в книжный — и обомлела: стопка новеньких книг на прилавке, и народу лишь два человека, видно, только поступили книги в продажу. Конечно, сразу схватила и шла домой, прижимая долгожданный том к груди. Случайно глянула на своё отражение в витрине и чуть не рассмеялась сама над собой: на лице сидела счастливая и в то же время глупая улыбка человека, получившего наконец то, о чём мечтал. Купить-то

книгу купила, но прочитать никак не получалось: конец учебного года отнимал всё свободное время.

И вот, кажется, сейчас можно спокойно почитать. Предвкушая сладостные минуты, она разместилась в кресле. Впрочем, эта встреча с повестью была уже второй: когда-то к ней попала самиздатовская копия, которую надо было прочитать за ночь. Тогда проглотила, но чувствовала, что многое упустила. А вот теперь... Она не просто читала, она слышала звуки прозы: «У-у-у-у-у-гу-гу-гу-у! О, гляньте на меня, я погибаю. Вьюга в подворотне рвёт мне...». Телефонный звонок ворвался резко и так неожиданно, что сердце утешённо забило. Звонили из училища:

— Ольга Сергеевна, выручайте! Некому читать диктант. Ирина Петровна умудрилась простыть в такую жару, перекупалась, видно, в Каме. Горло заложило — слова сказать не может. Приезжайте. Мы за вами такси выслали.

Что оставалось делать? Ольга Сергеевна чертыхнулась и стала собираться.

3

Такси уже ждало у подъезда, ехали быстро, но всё равно к началу экзамена Ольга Сергеевна едва не опоздала. Перед дверью аудитории отдышалась, вошла. Комиссия уже сидела за столом. Ольга Сергеевна, подходя к столу, привычно окинула взглядом аудиторию — сплошь светловолосые и рыжие девичьи головки готовы склониться над листами бумаги. И вдруг зацепился взгляд за девушку: тёмноволосая с характерными чертами лица — явно гостья с Кавказа. Ольга Сергеевна шёпотом поинтересовалась у коллег:

— Откуда эта гостья у нас за второй партой — не с Кавказа ли?

— Дальше. Кажется, из Абхазии, — так же шёпотом ответили ей. — Какая-то армянская фамилия. Ох, вырвалась девчонка. Тяжко там сейчас, поди. Воюют ведь.

«Воюют». Ольга Сергеевна и сама прекрасно знала, следила за новостями. И болью отзывались в ней и любимая Грузия, и не менее любимая Абхазия. И тут её словно жаром обдало: нельзя девчонке не поступить, нельзя назад; назад — это под пули и взрывы. И тогда же решила, что поможет девушке. Ещё не знает как, но поможет.

Решение пришло само собой. Она проходила между рядами парт, диктуя текст, и по многолетней привычке смотрела в листы — успевают ли записывать. Ага, вот она, ошибка — запятую пропустила! Кто это такой невнимательный? Так и есть — закавказская гостья. Ольга Сергеевна встала спиной к комиссии, прикрыла собой девушку и пальцем быстро ткнула в то место, где была ошибка: исправляй! Девушка поняла, тут же поставила запятую. Но эта подсказка не ускользнула от соседки по парте. Значит,

ей тоже надо помочь, ткнула и в её листок. А потом и другим по мере надобности помогала, чтобы никто ни в чём не заподозрил.

Кажется, всё прошло спокойно, подсказок в комиссии не заметили или сделали вид, что не заметили. Сдала свою работу и тёмноволосая абитуриентка. Ольга Сергеевна взглянула на титульный лист — Ирма Мхитарян. Ну, так и есть: не наша, не уральская. Ольга Сергеевна собрала работы в стопку, чтобы отнести их в преподавательскую комнату. Проходя мимо парты, за которой сидела Ирма, заметила оставленную ручку, видимо, девушка забыла её. Безотчётно взяла ручку и положила в карман. Пока несла работы, думала, как помочь девушке, если окажется, что ошибки в диктанте все же есть. Полезла зачем-то в карман — и в руке оказалась взятая со стола ручка. Это был знак и подсказка одновременно: надо улучшить минутку и пробежаться ещё раз, исправить ошибки, которые наверняка будут. Но как это сделать? Работы сейчас запрут в шкаф, да и преподаватели рядом будут. Ольга Сергеевна никогда не нарушала правил, не шла на подлог, не знала, как это делается. Ей казалось, что все только и будут смотреть на неё, подозревать в преступных намерениях и в самый решительный момент схватят за руку. Но «новичкам везёт» — с улыбкой вспоминала она позже, когда всё было позади. Помогли сами педагоги. Кто-то предложил отложить проверку работ и сходить в буфет — перекусить и отдохнуть. Значит, никого в преподавательской не будет, хотя бы в течение нескольких минут. Ольга Сергеевна плюхнулась на диван:

— Можно я здесь посижу, на диванчике? Что-то не по себе мне.

Она не слишком погрешила против истины, от волнения ей и впрямь стало немного нехорошо. А коллеги забеспокоились:

— Может, лучше врача вызвать? «Скорую»?

— Нет-нет, так со мной бывает. Сейчас пройдёт. Вы идите, идите. Я посижу.

Оглядываясь, преподаватели вышли. Посидев ещё минуты две, Ольга Сергеевна встала. «Так просто они не уйдут, — рассуждала Ольга Сергеевна, — приведут обязательно медсестру. Значит, у меня не больше пяти минут. Работы заперты, но это ерунда, что-нибудь придумаем». Она подошла к шкафу, взялась за ручку дверцы и внезапно вспомнила, как полгода назад нужно было срочно достать важный документ, а ключ куда-то запропастился. Тогда сама завуч слегка приподняла дверцу и потянула вправо — дверца открылась. Сейчас Ольга Сергеевна проделала то же самое. Вот она — стопка работ. Судорожно стала перелистывать, отыскивая нужную. Наконец нашла. Надо сосредоточиться и в течение минуты-двух пробежаться. Вроде ошибок нет, девчонка поняла её правильно. Ах, вот же, запятая! А здесь тире нужно! Так, исправим, а здесь аккуратнo переделаем на «а». Ольга Сергеевна исправляла

работу Ирмы её же ручкой. Всё, достаточно, пару незначительных ошибок надо оставить. Отличная работа не нужна, отличная вызовет подозрения. Ольга Сергеевна уже убрала было работы назад в шкаф, но тут словно вспомнила что-то, словно что-то увидела, за что зацепился взгляд. Конечно! Ещё оказалась одна южанка — Медея Вачнадзе. Что ж, этой тоже помочь надо. Когда Ольга Сергеевна мельком взглянула на часы, поняла, что прошли уже четыре минуты. Всё! Стопки лежат на прежнем месте, дверца в обратном порядке закрыта, Ольга Сергеевна плюхнулась на диван. В висках стучало, во рту пересохло — перенервничала, видно. Едва она успела отдышаться, как вошли директор Маргарита Александровна с медсестрой. Директор сразу кинулась к ней.

— Что это вы, голубушка Ольга Сергеевна, пугаете нас? Леночка, посмотрите-ка!

Молоденькая медсестра принялась накачивать грушу тонометра, но у неё никак не получалось, дважды пришлось сбросить. Измерить удалось лишь с третьего раза.

— Посидите ещё, я сейчас, — сказала Лена и выскочила из комнаты. Очень быстро вернулась со шприцем в руках. — Придётся уколоть вас, Ольга Сергеевна, давление у вас подскочило.

Домой Ольгу Сергеевну снова везло такси. А сама она по дороге пыталась понять, что же с ней происходит. В другой раз её мучили бы угрызения совести, она считала бы, что совершила нечто нечестное и постыдное. Она и сейчас понимала, что совершила подлог, но, странное дело, на душе было не только спокойно, но даже какое-то радостное чувство поселилось в ней. И чем дальше, тем радость эта становилась сильнее.

Дома она сразу легла и прикрыла глаза. Солнце передвинулось и уже не светило прямо в окна, и от этого становилось не так жарко. Шум в голове тоже постепенно проходил. Сейчас он отдалённо напоминал лёгкий плеск воды о берег. Он убаюкивал...

4

Ольга Сергеевна ступала босыми ногами берегом Камы и думала о другом берегу, том, что далеко, в который бьётся тёплое море. Берег там особенный. Всё восточное побережье Чёрного моря усыпано галькой, и только здесь песок. Она любила эту страну. Страну... Ольга Сергеевна усмехнулась. Вот она и сама мысленно уже называет этот край страной, сейчас уже многие так говорят, хотя большая страна формально ещё одна. Но трещины распада шли далеко и проникали глубоко, в том числе и в сознание людей. Страну... Та фактически отделившаяся страна сама разделяется внутри себя — и всё по-живому, всё с кровотечением. Вот и берег тот сейчас уже чужой. Берега, берега, что же вы — то как братья, то врагами становитесь? Песчаный берег Чёрного мо-

ря. Ольга Сергеевна любила приезжать сюда в санаторий, а то и из Сухума каждый раз специально приезжала — просто, чтобы походить. Никому не говорила она, но именно здесь к ней чаще всего приходила та, которая великим поэтом так проникновенно была названа «гостьей с дудочкой в руках». Об этом своём недуге, как с улыбкой называла стихотворство Ольга Сергеевна, не знал никто: ни коллеги, ни друзья, ни родные. Ольга Сергеевна тщательно всё скрывала, но на черноморском берегу внезапно приходило:

У Ираклия в духане,
В том, куда мне вход заказан,
Распивали «Мукузани»
И подхватывали разом
Переливчатые песни...

Эти песни она любила с детства, к удивлению родителей, не отходила от радиоприёмника, когда их изредка передавали. А потом на это легла поэзия, Лермонтов. И поэтому первая встреча с Грузией была лёгкой и радостной, словно обе — и Ольга, и Грузия — ждали её. Когда она услышала, что грузины называют свою родину Сакартвело, то чуть не задохнулась от восторга — так понравилось ей слово. Весь день потом повторяла она про себя: «Сакартвело, Сакартвело».

Ольге тогда было четырнадцать, мама привезла её в санаторий в Цхалтубо. Пока девочка лечилась, мама снимала комнату, а в санатории с пониманием отнеслись к тому, что девочка часто ночует у матери. Там, во дворе дома, она познакомилась с двумя соседскими мальчиками: армянином Самвелом и грузином Анзором. Парни учились в выпускном классе и к более молодой, к тому же болезненной и почти не оформившейся Оле относились по-рыцарски снисходительно, мол, мала ещё. А для Оли это было первое мужское внимание. Дома на Урале она записала в свою толстую общую тетрадь:

Надо снова ехать в горы,
Чтобы встретить в Сакартвело
Сероглазого Анзора,
Кареглазого Самвела.

Записала, закрыла тетрадь и склеила обложки полоской бумаги, чтобы никто не раскрыл, не прочитал. Тетрадь же засунула глубоко в стол. А мама тетрадь нашла и прочитала, правда, потом так же аккуратно заклеила полоской бумаги, но однажды не удержалась — дала понять дочери, что кое-что ей известно. Будто ненароком спросила:

— Интересно, как там сероглазый Анзор и кареглазый Самвел?

Оля вспыхнула, с болью, словно её, Олю, предали, взглянула на мать, но ничего не сказала. А те-

традь с той поры стала открывать ещё реже. Если стихи приходили, запоминала их. Сейчас та подростковая обида на маму казалась Ольге Сергеевне смешной. Уже несколько лет как мамы не было, а толстая общая тетрадь ещё не заполнена до конца. «Сероглазого Анзора, кареглазого Самвела», — чуть слышно повторила Ольга Сергеевна. Где они — Анзор и Самвел? Живы ли? А если живы, дружат ли по-прежнему или взяли автоматы и разошлись по разные стороны?

С недавнего времени Ольга Сергеевна не пропускала ни одной новостной передачи. А там всё чаще говорили о войне. Воевали армяне с азербайджанцами, воевали грузины с абхазами. Воевали друг с другом знакомые, соседи, а может быть, и родственники. Ольга Сергеевна переживала за всех. А однажды особенно защемило сердце, когда увидела на экране полуразрушенный знаменитый сухумский обезьяний питомник. В питомник, очевидно, попадали снаряды, которые и разрушили вольеры. И обитатели — обезьяны — сбивались в стайки, жались друг к другу от страха и были очень растеряны. Сейчас они ещё больше были похожи на людей. Как люди, потерявшие кров, они разделились на небольшие группы. В каждой группе можно было видеть несколько обезьянок, совершенно подавленных происшедшим; кто-то из молодых пытался хорохориться, прыгал, повисал на обломанных сучьях, снова возвращался к стайке. А старики сидели, опустив головы и глядя куда-то вдаль. Могли ли они думать о прожитом и пережитом? Проплывала ли перед их, обезьян, мысленным взором их жизнь — и их самих, и всего племени? Они были очень похожи на людей. Только о горестях своих не могли рассказать ни одному журналисту. А потом какой-то оператор дал крупный план. Он навёл камеру на самца, сидевшего в стороне от остальных. Тот поднял голову и долго-долго пристально смотрел в объектив. Очевидно, этот взгляд мудреца пронзил и самого оператора — камера дёрнулась, и оператор перевёл её на другой объект. Этот обезьяний взгляд и безмолвный обезьяний крик надолго выбили Ольгу Сергеевну из колеи — она с особенной остротой почувствовала ужас и безумие той войны.

5

По-русски Ирма говорила хорошо. И фразы правильно строила, и лексических ошибок не допускала. Впрочем, удивляться нечему: школу-то у себя в Абхазии окончила русскую. Но вот произношение... «Я буду питаться», — говорила Ирма, и не все понимали, что идёт речь не о намерении поесть, а о предстоящих попытках. Ирма видела это непонимание и поясняла: «Буду питаться выучить». Себя девушка не слышала. Как не слышала и своего предательски высканивавшего фрикитивного «дж», которого нет в

русском. А ещё интонация: закавказские интонационные подлёмы и спады никак не изживались.

Ольга Сергеевна взяла над Ирмой шефство. Она придумала особый знак, «крючок» — согнутый указательный палец, который показывала девушке всякий раз, когда та произносила неверно. Если за день набиралось больше пяти крючков, Ирма оставалась после лекций и читала Ольге Сергеевне вслух что-нибудь из русской классики.

Когда, как она стала невольным опекуном этой армянской девушки из Абхазии, а вместе с ней и грузинки Медеи? Тогда ли, когда машинально положила в карман ручку, оставленную девушкой на парте, или когда пошла из-за обеих девушек к коменданту общежития?

Медея была совершенно рыжей и совсем не тёмноглазой (такой тип встречается среди грузин), именно поэтому Ольга Сергеевна поначалу не признала в ней южанку. А когда узнала, да при этом узнала, что поселили девушек в одной комнате, пошла к коменданту общежития и решительно ворвалась в каморку, которую сама комендант называла кабинетом.

Комендантша, полная женщина с нелепыми мелкими завитушками крашенных чуть ли не в жёлтый цвет волос, пила чай из голубенькой в розовые цветочки чашки, уставившись в одну точку. Она ложечкой брала из блюдца брусничное варенье, отправляла его в рот, на мгновение застывала с вареньем во рту, затем клала ложечку прямо на стол, не глядя, брала в руку чашку, отхлёбывала чай, снова застывала, всё так же неотрывно глядя в одну точку. Этой точкой был телевизор, где внезапно потерявшую память бразильскую красавицу изводили недоброжелатели. Телевизор работал невыносимо громко, и Ольге Сергеевне приходилось перекрикивать его, но всё равно комендантша не слышала и продолжала глотать варенье, отхлёбывать чай и неотрывно глядеть в телевизор. Ольге Сергеевне пришлось стукнуть рукой по столу и крикнуть:

— Галина Степановна, почему вы поселили этих девушек в одной комнате?

— Чё? Каких девушек? — Комендантша с ненавистью посмотрела на Ольгу Сергеевну, так бесцеремонно перетащившую её, коменданта, из бразильской виллы в опостылевший кабинетик.

— Ирму Мхитарян и Медею Вачнадзе.

— А почему их нельзя вместе поселить? Что за цацы такие?

— Так одна из них из Абхазии, а другая грузинка.

— И что с того?

— Вы что, телевизор не смотрите, газет не читаете? Война там. Воюют одни с другими. А мы девчонки в одну комнату. Что, если они конфликтовать станут?

— Ох, надо мне о всяких чурках думать! Пусть спасибо скажут, что вообще их приняли, из войны

вытащили, поселили в тепле и спокойствии. А то понаедут, учатся, остаются здесь... Не знаю, не знаю, пусть директор прикажет, тогда расселю!

— Я и пойду к директору, — сказала Ольга Сергеевна и направилась к двери и, уже стоя в самом проёме, жёстко: — А что касается чурок, то не худо бы вам знать, что и грузины, и абхазы, и армяне очень древние народы, древнее нас.

Но этих слов Галина Степановна не слышала, она снова была в Бразилии и громко подсказывала ничего не помнившей героине, кто на самом деле её мать. А Ольга Сергеевна действительно отправилась к директору училища. Директор её доводы приняла, и девушек расселили.

Всё это случилось летом. С осени же, как начались занятия, стала Ольга Сергеевна приглядываться к обеим девушкам. Тогда заметила, что девушки хоть и не конфликтовали, во всяком случае, старались не конфликтовать, и разговоров на большую тему избегали, но держались обособленно друг от друга. А тут почти одновременно пришли два страшных известия: у Ирмы погиб отец, а у Медеи — двоюродный брат. И девушки ещё больше закрылись друг от друга. Ольга Сергеевна как могла пыталась растопить ледяную стену, выстроенную девушками между собой. Получалось с трудом. Но Ольга Сергеевна всё больше привязывалась, прикипала душой к обеим. Правда, Ирма была как будто ближе, роднее. Однажды, весной уже было дело, занятия закончились, все студентки спешно покидали аудиторию, а выходя, персонально прощались:

— До свидания, Ольга Сергеевна.

Ольга кому кивала, кому отвечала: «До свидания» — и снова склонялась над тетрадями. И тут заметила, что одна из девушек не вышла, а всё стояла у стола. Ольга Сергеевна подняла взгляд — перед ней стояла Ирма:

— Что случилось, Ирма? Что-то объяснить?

Совершенно по-детски надув губы, та сказала:

— Вы мне не улыгнулись. Всегда улыбались, а сейчас — нет.

— Ах ты, милая моя! — Ольга Сергеевна вскочила, обняла девушку, прижала её голову к своей груди, а Ирма, не отрывая головы, сказала:

— Вы же мне как тётя. Неужели вы не узнаете меня?

6

Мама Ирмы, Нора, приехала неожиданно. В самый разгар летних каникул. А всё потому, что на каникулы Ирма домой не поехала. На этом настояла Ольга Сергеевна. Она по-прежнему опасалась за жизни обеих девушек, но у Медеи в городе оказались родственники. У них, съехав из общежития после известия о гибели брата, и жила девушка. А вот Ирме податься было некуда. Общежитие на лето надо было

освободить, тем более что там собирались делать ремонт, и Ольга Сергеевна предложила Ирме переехать к ней. Девушка покраснела, смутилась:

— Как я пойду к вам? Я же стеснять вас буду. И как я буду на вашей шее?

— Ты же говорила, что я тебе как тётя? Вот и живи у меня, племянница. А если считаешь, что сядешь мне на шею, то можешь поработать. Хочешь, устроим тебя нянечкой в наш подшефный садик? Возьмут тебя с радостью. Основные нянечки уйдут в отпуск, так что ты даже сможешь. Да и работать будет не тяжело: малышей-то на лето немного останется.

Ирма согласилась. Ольга Сергеевна сочинила письмо для родных Ирмы, мол, участвует девушка в интересном проекте и ей необходимо летом позаниматься. Выпросила у секретаря официальный бланк, кое-как настучала двумя пальцами на машинке и отнесла на подпись директору — как куратор группы.

Ольга Сергеевна не соврала. Ирма действительно участвовала в проекте, должна была участвовать. К концу учебного года училище оживлённо жужжало. Сюда зачастила начальник Областного управления образования, они часто запирались с директором и её заместителями в директорском кабинете, что-то обсуждали, выходили взбудораженные, раскрасневшиеся. И было от чего. Во-первых, училище переименовалось в колледж, и новомодный статус обязывал внедрять какие-то новшества. А во-вторых, новшества эти неожиданно появились сами. В колледж приехала группа преподавателей из похожего колледжа в Англии, и они предложили обменяться студентами. То есть англичане присылают одну студентку, чтобы та в течение полугода училась на Урале, сами же готовы принять у себя студентку российскую. Ирма к тому времени была уже одной из лучших студенток и могла претендовать на поездку. Но для этого надо было ещё позаниматься и русским, и английским. Ольга Сергеевна решила, что займётся с девушкой русским, а с английским взялась помочь подруга и однокурсница Ольги Сергеевны, преподаватель университета.

Ирма и впрямь была одной из лучших. Особенно хорошее впечатление она произвела на Лермонтовском празднике, который ежегодно устраивала Ольга Сергеевна. Она знала толк в таких делах. На этот раз весь поэтический праздник формировался вокруг кавказской темы. Ольга Сергеевна привлекла и Ирму, и Медею. Девушки увлеклись, тема была им родной и понятной. Поэтому и готовились серьёзно. А сам праздник был позже признан лучшим из всего, что организовала в свое время Ольга Сергеевна. Девушки не только хорошо прочитали стихи и прозаические отрывки, они ошеломили всех. Когда занавес открылся, зал ахнул. Договорившись только с Ольгой Сергеевной, девушки перед самым выступлением дополнили свою строгую, по контрасту подо-

бранную одежду деталями национальных костюмов — армянского и грузинского. И оттого, что это были не сами костюмы, а лишь их детали, лишь намёк, девушки не выглядели ряжеными. Намёк создавал художественный образ. Из украшений на Ирме был только благородный бабушкин кулон.

А после выступления здесь же, в актовом зале, устроили чаепитие с тортом. Эту традицию установила тоже Ольга Сергеевна. Перед сценой ставился стол, девушки пили чай и обсуждали прошедшее выступление. Как заправский режиссёр, Ольга Сергеевна разбирала всё, что было на сцене, отмечала проколы и промашки, хвалила за удачи. Никто не обижался на критику, все были увлечены, по сути дела, продолжением спектакля.

Но на этот раз Ольга Сергеевна с разбором не спешила. Она ласково смотрела на своих студенток и чему-то улыбалась. Затем, спохватившись, словно вынырнув из мечтательности, сказала:

— Сегодня вы, девчонки, превзошли самих себя. Только не думайте, что у меня нет замечаний. Просто сейчас говорить об этом не хочется. Разберём наш спектакль позже. А теперь будем пить чай и болтать о пустяках.

И девчонки зашебетали. Только Ирма с Медеей, казалось, не вернулись ещё в зал, а были ещё на родине, в горах. Вскоре Ирма встала из-за стола и, подойдя к окну, упёрлась лбом в стекло. Так она и смотрела на улицу, пока к ней не подошла Ольга Сергеевна

— Какой красивый у тебя кулон. Откуда он? — спросила она и тут же осеклась. — Только не вздумай сейчас снять его с себя и отдать мне. Я же знаю ваши обычаи. Стоит похвалить вещь, вы тут же готовы с ней расстаться.

— Это бабушкин. Наш родовой. Он передаётся по женской линии. А вам действительно нравится?

— Нравится, нравится, но ты и думать не смей!

Она даже схватила Ирму за руку, потому что девушка уже потянулась к цепочке, чтобы расстегнуть её. И отошла. А к Ирме подбежали однокурсницы, поздравляли её с хорошим выступлением, рассматривали кулон, восхищались. Потом все разбежались, осталась только Виктория. Она тоже претендовала на поездку в Англию, и на этой почве девушкам приходилось часто быть вместе, обсуждать какие-то вопросы, и они почти подружились. Девушки вышли из актового зала на балкон, и Ирма с восторгом говорила:

— Я так люблю Ольгу Сергеевну! Она мне как родная. Это она посоветовала мне поступать сюда, когда была у нас дома в Абхазии. И потом очень помогла. Без неё я бы не поступила.

— Как это «помогла»?

— Очень просто. Когда читала диктант, пальцем тыкала в места, где я ошибки делала. Я и поняла — всё исправила.